

чего *новаго* въ немъ нѣтъ: то же ложное пониманіе христіанскаго ученія о непротивленіи злу, тѣ же анархическія нападки на государственную власть, то же указаніе на войско и т. д. Но ничего новаго не найдетъ читатель и при ближайшемъ знакомствѣ съ этимъ сочиненіемъ: та же склонность къ обобщеніямъ случайныхъ единичныхъ явленій до общихъ положеній, то же проявленіе на каждой страницѣ по истинѣ безграничной, сатанинской гордости, высокомѣрія, самолюбія графа, облеченнаго въ философскую мантию, та же крайняя враждебность къ христіанской церкви, государству, верховной власти и ея носителямъ, та же способность видѣть у всѣхъ, кромѣ себя и своихъ послѣдователей, все безсовѣстное, гадкое, пошлое и безнравственное—ложь, подкупъ, лицемеріе; какъ въ прежнихъ, такъ и въ этомъ сочиненіи Толстой не брезгаетъ никакими средствами для достиженія своихъ цѣлей: клевететь, лжетъ, подтасовываетъ, извращаетъ... Въ этомъ сочиненіи также замѣтно прямое заимствованіе крайнихъ и одностороннихъ выводовъ почти изъ всѣхъ философскихъ направленій—пантеизма, пессимизма, детерминизма, социализма и даже анархизма, и—совершенное отсутствіе какого-бы то ни было цѣльнаго систематическаго міровоззрѣнія. Здѣсь, какъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ послѣдняго времени, слова: „Богъ“, „Христовъ“, „христіанство“, „христіанскій“ Толстой также употребляетъ во все не въ томъ смыслѣ, какой они имѣютъ и какой они должны имѣть, а — даже въ совершенно противоположномъ ему. Кошунство, неуваженіе къ чужимъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ, пошлость изложенія съ употребленіемъ, на примѣръ, такихъ словъ, какъ зад..ца и т. п., читатель встрѣчаетъ на каждой страницѣ этого *новаго* сочиненія нашего самороднаго философа и богослова...

Если же что либо *новое* и можно найти въ этомъ сочиненіи Толстого въ сравненіи съ его прежними сочиненіями, то оно говоритъ только не въ пользу своего автора. Во-первыхъ сочиненіе это изобилуетъ ссылками на мнѣнія лицъ, которыя являются для Толстого авторитетами,—ясное доказательство, что, при всей своей гордости и фарисейскомъ высокомѣрії, Толстой уже почувствовалъ свою слабость и неувѣренность въ